

*Посвящается Пэм
Где бы ты ни была*

Пролог

Не раз в каком-то полубытьи, где-то между сном и явью, передо мной предстал образ молодой женщины с длинными черными волосами, которые переливались на солнце словно обсидиан. Во сне я совсем малыш, она крепко прижимает меня к груди, что-то напевает и нежно смотрит на меня миндалевидными глазами. Женщина всегда одна и та же. Не знаю, кто она и почему так часто всплывает в моем сознании. Не знаю даже, существует ли она, но во сне кажется настоящей. Почему-то в глубине души я тоскую по ней. Кем бы она ни была, она меня любит. Или любила. А я люблю ее.

Это история о том, как я нашел эту женщину. А между тем нашел и любовь.

Глава первая

7 декабря, среда
ЧИКАГО

В «Данкин донатс» вошла журналистка газеты «Ю-Эс-Эй тудей». Она выглядела обеспокоенной и измотанной, как, впрочем, почти все в центре Чикаго. Мой агент договорился об интервью на два часа в кафе недалеко от Миллениум-парка. На часах было уже десять минут третьего.

Девушка огляделась и, увидев меня, торопливо двинулась вперед.

— Извините, что опоздала, мистер Черчер, — выдохнула она, бросив сумку на свободный стул между нами. Размотала шерстяной шарф, скрывающий шею и подбородок. Щеки и нос ее покраснели от мороза. — Надо было ехать на метро. Припарковаться в центре Чикаго так же непросто, как найти в этом городе честного политика.

— Ничего страшного, — окинул я ее взглядом. На вид ей было двадцать два, может, двадцать три, от силы двадцать пять лет. С каждым годом они все моложе и моложе. Или это я старею. Пока она стягивала с себя зимнюю обертку, я отпил кофе.

— Как же холодно. Теперь я понимаю, почему этот город прозвали ветреным.

— Погода тут совершенно ни при чем, — возразил я. — Как-то раз нью-йоркский редактор «Сан» обозвал Чикаго городом ветров, потому что посчитал местных жителей хвастунами. Мол, любят пускать пыль в глаза.

— Не знала, — удивилась моя собеседница.

— Заказать вам кофе?

— Нет, спасибо. И так уже порядком вас задержала.

Пройдя через полсотни интервью для прессы, я понял, что с журналистами всегда надо быть начеку, как с бродячими псами. Может, они и безобидны, но в целях собственной безопасности не стоит забывать, что любой из них может укусить. Еще усвоил то, что слова «только между нами» означают не что иное, как «не забудь включить диктофон, детка, потому что сейчас ты услышишь всю ту грязь, которую так ждала».

— Как поживаете? — наконец-то устроившись, поинтересовалась девушка.

— Неплохо, — ответил я.

Она вынула из сумки диктофон и положила его на стол.

— Вы не против, если я буду записывать наш разговор?

Стандартный вопрос. И каждый раз меня так и подмывает сказать «нет».

— Да, конечно.

— Отлично. Тогда начнем. — Она нажала на кнопку, и на приемнике замигала красная лампочка. — Я беру интервью у автора бестселлеров Дж. Черчера. Для праздничного выпуска нашей газеты. — Подняла глаза на меня: — Mister Черчер, могу я называть вас Джейк?

— Как вам удобно.

— Джейк, вышла ваша новая книга. Она еще не успела занять первые строчки рейтингов, но уверена, что победа не за горами.

— Не люблю загадывать, — отрезал я. — Но сегодня среда, значит, уже днем мы все узнаем.

— Вы, без сомнения, пробьетесь в лидеры.

— Бряд ли, но будем надеяться.

— Расскажите, что для вас значит это время года?

Я отпил кофе, поставил кружку и обвел рукой пончиковую.

— Вот это все. Разъезды. Интервью. Много кофе. Много автографов.

— Вчера вечером вы подписывали свои книги в...

— В Нейпервилле.

— Точно. Как все прошло?

— Неплохо.

— Много ли на встрече было читателей?

— Сотен пять или шесть. Все как обычно.

— Сколько городов вы объехали на этот раз?

— Кажется, двенадцать. Нью-Йорк, Бостон, Цинциннати, Бирмингем, Даллас... Остальные не помню.

— Вы, должно быть, устали. Когда завершится тур?

— Это последняя остановка. Через четыре часа лечу домой.

— Значит, отправляетесь обратно в Айдахо?

— В Кер-д'Ален, — уточнил я, будто бы город был самостоятельным штатом. — Я лечу в Спокан.

— Домой на праздники. Как проходит Рождество в доме Черчера?

Я замешкался.

— Вы правда хотите знать?

— Это центральная тема статьи.

— Как правило, скучно.

Она засмеялась.

— Вы проводите это время с семьей, с друзьями...

— Нет. В полном одиночестве. Открываю подарки от агента и издателя, выпиваю пару стаканчиков эгг-нога с виски и смотрю футбольные матчи, которые пропустил за время поездки.

Очевидно, мои слова слегка огорчили девушку.

— У вас есть рождественские традиции?

— Да, я вам их только что перечислил.

Она расстроилась еще больше.

— А каким было ваше Рождество в детстве? Есть какие-то особенные воспоминания?

Я медленно выдохнул.

— Что значит «особенные»?

— Было ли такое Рождество, которое навсегда осталось в памяти?

— Было, — мрачно улыбнулся я.

— Не расскажете?

— Поверьте, это не то, что вы хотите услышать.

— И все же.

— Ну, ладно. Рождественский день. Мне семь лет, в комнату входит мать, я сижу на полу и играю с подарками. Она злится, кричит на меня за то, что я устроил такой бардак. Заставляет сходить на кухню и принести тяжелую деревянную ложку. Потом спускает с меня штаны и бьет. В нее будто демон вселяется. Она бьет и бьет, пока ложка не ломается.

Потом запихивает в чемодан мои вещи, выволакивает меня на улицу и говорит, чтобы я искал себе другое жилье. Я простоял там почти три часа, дрожа от холода. Понятия не имел, как быть, не понимал, что должно произойти. Потом решил, что матери всегда так поступают с детьми, которые им больше не нужны. Я просто ждал и надеялся, что кто-нибудь пройдет мимо и заберет меня с собой.

Прошло три часа, уже больше часа, как стемнело, я замерз и хотел есть. В конце концов я подошел к двери и постучал. Она открыла только через пять минут. Встала в дверях и уставилась на меня. Потом спросила: «Чего надо?»

Я невнятно спросил, можно ли мне вернуться, если я пообещаю хорошо вести себя.

Не сказав ни слова, она развернулась и ушла в дом. Но не прогнала, не захлопнула передо мной дверь, и я расценил это как приглашение войти. Прошел в свою комнату, забрался под кровать и уснул.

Ну и как вам такая рождественская история? — поднял я глаза.

Журналистка с ужасом глядела на меня.

— Хорошо. Наверное, этого хватит. — Она топливо сгребла все свои вещи в сумку и накинула

пальто. — Спасибо. Материал выйдет где-то за неделю до Рождества, — и выскочила на мороз.

«Издатель меня возненавидит», — пронеслось вдруг в голове.

Читатели знают меня под псевдонимом Дж. Черчер. Полное же имя звучит так: Джейкоб Кристиан Черчер, или Иаков Христианский Служитель¹. Только в старших классах до меня дошла вся его нелепость, и я тогда подумал, что, видимо, родители просто пошутили: бывают же такие чокнутые, которые называют детей Айма Хогг² и Робин Грейвс³.

Кристиан Черчер. Джей Си Черчер. Вдвойне глупое имя, потому что родители ни разу не водили меня в церковь.

Вы наверняка думаете, будто автор любовных историй должен быть и сам хорош в делах сердечных. Отнюдь. По крайней мере, не в моем случае. Возможно, это как раз тот самый классический пример, когда человек учит (ну, или, как я, пишет), а сам смыслит в этом не больше, чем свинья в апельсинах, — к тридцати четырем годам в моей жизни была лишь сплошная череда неудачных отношений. Но я не сдавался.

¹ В дословном переводе с английского языка на русский имя главного героя, Jacob Christian Churcher, звучит как Иаков Христианский Служитель.

² Айма Хогг (*англ.* Ima Hogg) — сочетание имени и фамилии звучит как I'm a hog (*рус.* «я свинья»).

³ Робин Грейвс (*англ.* Robin Graves) — сочетание имени и фамилии звучит как Rob in graves (*рус.* «Роб в могиле»).